
К вопросу о структуре и тематике отдела природы в краеведческих музеях

Доклад в Институте Муз. Краеведческой работы в Июне 1944 г. Проверено: 6 марта 1948 года

Александр Федорович Котс

Перед нами сложная задача: обсудить Программу или План «Структуры и Тематики Отдела, посвященного Природе в Краеведческом Музее».

Приступить к решению этой задачи можно разным образом и всего проще, положив в основу планы и программы общепринятые в школьной и учебной практике.

Согласно этим «планам», применяемым «обычно в географической науке», приходилось бы начать с раздела **Географии** и **Геологии**, переходя затем к учению о **климате** и **почве**, приступив затем к **Ботанике**, отсюда — к **Зоологии**, чтобы закончить завершающим Отделом, именуемым «**Ландшафтным**», обобщающим все предыдущие.

Подобный «План», хотя и общепринятый в учебной практике, перенесенный в практику Музеев, может породить серьезные сомнения.

Эти сомнения — самые разнообразные и сгруппируем мы их следующим образом:

I. в отношении **научном**.

II. в отношении **психологическом**.

III. в отношении **музейно-экспозиционном**.

IV. в отношении **методическом**.

V. в отношении **педагогическом**.

Едва ли нужно говорить, что разбираемые для удобства порознь все эти формы нашего сомнения объединяются единой целью: интересами **музейной практики**.

I. — Сомнения естественно-научные.

Искусственность разграничения различных областей науки, представляющих на деле связанный единый комплекс фактов и явлений.

Опуская трудности разъединения Географии от Геологии и Геологии от Гидрологии и Геоморфологии, напомним современное учение о «**почве**».

Вспомним, что в состав так наз. «Эдафона» (органического слоя почвы) входят самые различные живые существа, растения и животные различных **десяти** отдельных классов, что одних лишь почвенных «Простейших» различают свыше 200 «Видов».

Отделять поэтому исследование «Почвы» от ее живых животных и растительных ингредиентов, можно лишь весьма условно.

Еще менее возможно говорить о **Климате** без параллельного знакомства не с одной лишь почвой, но и одевающим ее **растительным покровом**: в такой мере влажность или сухость климата зависит от растительности (понятия о «степном» или «таежном» климате..)

Нередко забывают, что в самой Природе связь **неорганического** мира с **органическим** не обязательно проходит в направлении от первого к последнему, но и обратно: от живой природы переход к природе мертвой столь же повсеместен, как и переход отсюда — к миру организмов.

Самое понятие «Круговорота Жизни» затрудняет говорить о «направлении» этого процесса, о его начале и конце, а этим самым — говорить отдельно, порознь о каждом из его слагаемых, в хронологическом аспекте.

Но еще сомнительнее наблюдаемые иногда попытки оправдать определенную последовательность изложения отдельных отраслей науки ссылками на то, что в этом плане и порядке отражаются процесс и ход развития самой Природы.

Опуская более глубокие сомнения космогонического свойства, здесь достаточно отметить, что за вычетом лишь самых общих положений частного характера (последовательность появления отдельных групп животных и растений) — подавляющее большинство разделов или областей Природы исключает всякую возможность говорить о «Хоронологии».

И в самом деле. Из того, что в разбираемой нами «Схеме» — **Почва** (VII) следует за **Климатом** (VI) не значит, чтобы климатические пояса сложились до образования **Почвы**.

Хорошо известно также, что растительные организмы появились в океанах и морях задолго до образования наземной почвы, как и то, что в самых древних отложениях Земли находят представителей самых различных групп морских животных и при том задолго до образования почвы, и, конечно, независимо от климата.

Вот почему настаивать на изучении Природы обязательно в указанном порядке, будто бы созвучном ходу постепенного ее развития, возможно лишь с большими оговорками.

И столь же мало убедительны бывают ссылки на установившуюся в практике географических наук методику описывания территорий именно в указанном порядке: хорошо известно, что в былой когда то университетской практике порядок прохождения предметов был как раз обратный: Курс **Ботаники** и **Зоологии** читался на двух младших курсах, Историческая Геология и Метеорология — на старших курсах (III и IV-ом).

II. — Сомнения психологические

Здесь достаточно спросить: Как понимается, или воспринимается Природа большинством людей?

Воспринимается она лишь в целостном единстве.

Не в пример любителям или ученым, подходящим к ней под знаком специфичных интересов и влечений (Орнитологу Природа представляется по преимуществу как царство **Птиц**, а Гельминтологу — как мир Червей..), эта Природа не рисуется так однобоко для широкой публики: гуляя по лесу она не восторгается сначала «климатом» (погодой), а затем лишь «почвой», не глядит сначала на «цветы», потом на «бабочек», чтобы оставить на конец прогулки любованию «ландшафтом».

Вся природа, каждый уголок ее воспринимается, как нечто целое, как комплекс **всех** его слагаемых, или во всяком случае (отчасти даже бессознательно!) воспринимаемых. А там, где временно внимание центрируется на отдельных образах или картинах, выделяемых от смежных, речь идет о фактах и явлениях, особо ярких или привлекательных: цвет неба, форма облаков, полет и пенье птицы, красота цветка и крыльев бабочек хотя и могут концентрировать на время зрение и слух, но все же оставаясь в рамках и на фоне общего ландшафта, оттеняясь им хотя бы лишь частично, с тем, чтобы немного погодя и вовсе раствориться в окружающем их царстве красок, звуков и движений.

Заменять в стенах Музея массового типа это комплексное восприятие Природы разложением его на составляющие компоненты и подачей их в изолированном виде нет особых побудительных причин и поводов для массового, рядового зрителя.

III. — Сомнения музейно-экспозиционные.

Они сводимы к следующей формуле:

«Научное значение отдельных фактов или дисциплин совсем не адекватно их доступности для вещного музейного показа».

И действительно. Попробуйте **наглядно-вещно** показать в Музее «Геохимию Земной Кору» и «Направление Ветров», «Минералообразование», «Происхождение Жизни на Земле» (а не одну лишь смену **формы** жизни..)

Но и там, где **вещное** отображение предмета и явления вполне возможно, внешняя доходчивость его, как «**Экспоната**» может и не соответствовать его **научной** значимости или ценности **практической**.

Достаточно напомнить о «Плодовой Мушке» (Дрозофиле), фасцинировавшей тысячи ученых, но не массовую публику.

Достаточно лишь сопоставить две «триады» наших наиболее известных бабочек: экономически-нейтральных, но сверкающих по краскам «Адмирала», «Траурницу» и «Павлиний Глаз» и неказистых с виду мелких тусклых массовых вредителей наших полей: Совку озимую, капустную и «Лугового Мотылька»...

Достаточно напомнить про Ботанику, столь привлекательную под открытым небом и в Оранжерее и столь мало благодарную в стенах музеев, превращающих эту «Сциентиа Амабилис» — в сухие веники или пучки «прессованного сена».

Приведенные примеры призваны напомнить тривиальнейшую истину: **«Показ в Музее» и «Показ Музейный» — не одно и то же.**

Показать в Музее можно, что угодно: от живых слонов до Инфузорий. Их же показать **«музейно»**, т.е. в качестве музейных «экспонатов» — есть задача величайшей трудности, порой граничащая с невозможностью.

Именно в этом смысле сильное сомнение вызывает ориентирование экспозиции «Природы» в краеведческих музеях на понятии «Ландшафта».

Не касаясь сбивчивости самого понятия для массовых музейных зрителей (смешения «Ландшафта» с «Пейзажем») — современное научное истолкование понятия «Ландшафта» представляется настолько сложным и включающим так много разнородных элементов (крайне разноценных с точки зрения музейной демонстрации..), что оперировать с этим понятием возможно лишь для очень небольшого круга умственно-квалифицированных лиц.

Достаточно напомнить приведенную в рассматриваемой Программе ссылку на определение «Ландшафта» нашим выдающимся ученым — **Бергом**.

«Принимать во внимание не только статику, но и динамику ландшафта, т.е. изучать их смену. Это тем более необходимо, что понять данный ландшафт можно лишь тогда, когда известно, как он произошел и во что он со временем превратится.»

Можно сомневаться, чтобы всякий одиночный рядовой музейный зритель, предоставленный себе (т.е. без устного руководства экскурсовода-лектора) способен был бы одолеть подобную тематику.

IV. — Сомнения методологические .

Из изложенного явствует, что разные отделы или отрасли науки о живой Природе обладают разной **«экспозиционной мощностью»**, различным **«Коэффициентом показательности и доходчивости»** с точки зрения массового рядового зрителя.

И вот, расценивая «музеологически» различные отделы разбираемой «Примерной Схемы построения тематики Природы в краеведческих музеях», можно видеть, что за вычетом отдельных «перебоев», разные отделы следуют в порядке возрастающей «музейной мощности», или доступности музейному показу.

Начинается она, означенная группировка, с глав или разделов, наименее «музейных» («Административно-статистических обзоров» и таких музейно не отображимых тем, как «Геохимия» и «Биохимия» («Происхождение Жизни»), а кончается отделом максимальной экспозиционной эффективности (точнее говоря: «эффектности») — Ландшафтным.

Эта группировка глав и экспонатов в направлении возрастающей доходчивости содержания нам представляется глубоко спорной в отношении **методическом**.

Понятно, почему. Если в сценической и кино-режиссерской практике принцип введения нарастающего интереса и захвата зрителей вполне оправдан, ибо вся работа сцены и экрана мыслится, как увлекательная

от начала до конца, то в области музейной планировки типа разбираемого ход развития сюжета и тематики идет от «скучного начала» к максимально яркому концу.

Но именно поэтому стремление вынести главу «Ландшафта» на конец осмотра вызывает возражение: Дойдя до заключительной главы «Ландшафта», рядовой музейный зритель будет чувствовать себя достаточно «измотанным» от созерцания предшествующих глав, вернее, от фланирования по соответствующим залам, от затраты именно на них лучшего времени и первых, свежих сил.

Отсюда нормативный вывод: избегание такого построения тематики или структуры экспозиции Музея, при которых неодолимость «пролога» подрывая всю экспонатуру, губит эффективность эпилога.

V. — Сомнения педагогические

вытекают из необозримости фактического содержания тематики музеев разбираемого типа, стиля «овеществленного учебника», или, точнее говоря, планируемого по принципу: замещения страниц Учебников — стенами выставочных зал.

Достаточно напомнить перечень наук, упоминаемых в Программах предусмотренных тематикой таких музеев:

- I. География (Характеристика Края).
- II. Образование Земли и Развитие Жизни.
- III. Геология.
- IV. Геоморфология/
- V. Гидрология
- VI. Климат.
- VII. Почва.
- VIII. Растительность.
- IX. Животный мир.
- X. Ландшафт.

Опуская «Дарвинизм» (подлежащий специальному разбору) и учитывая, что «имплиците», негласно в этом Списке фигурирует и ряд других, подсобных дисциплин и в сущности не менее самостоятельных, как Биохимия, Минералогия, Петрография, — мы в праве утверждать, что перед нами настоящая «Энциклопедия Науки о Природе», предлагаемой в двойном аспекте: «Краевом» и «Обще-планетарном».

Стоит на удачу выбрать и взаимно сопоставить следующие тематики:

- «Происхождение Земли» и «местных оползней»
- «Происхождение Человека» и.. «Таксации Лесов»
- «Космогонические Теории» и... «Проблема гужевого транспорта»
- «Геохимические сферы Земли» и.. «Туристические Маршруты»

Чтобы овладеть вполне этой «Программой» нужны годы, нет, десятилетия упорного труда. Можно уверенно сказать, что ни один ученый, будь он гениального диапазона Лейбница и Аристотеля, не в силах воспринять, усвоить эти знания, не заслужив упреков в верхоглядстве и дилетантизме.

Позволительно спросить: Кому и для чего предназначается эта «Музейная Энциклопедия?»

Ища причины этой неувязки разбираемого «Плана» экспозиции Музея и его реальной эффективности, мы остановимся на **трех** ближайших и особенно беспорных:

- I. Чрезмерное доверие к «**Системам**» и «**Формальной логике**», их явная переоценка, как орудия и средства приобщения к знанию широких масс.
- II. Неправильное представление о силе и влиянии «музейных образов», их эффективности, как «вещных доводов», или, что то же: завышение способностей музейных зрителей к активному их восприятию.
- III. Формалистическое понимание задач и целей краеведческих музеев, без учета подлинных фактических их потребителей, их подлинных запросов и реальных средств, располагаемых Музеем для их оптимального решения.

Таковы три основных источника разрывов или неувязок тематических музейных планов и реального их усвоения массовым зрителем.

В основе этих, как и множества других ошибок или промахов музейной практики лежит манера большинства музейцев исходить при составлении программ и планов из одной теории, а не из практики, глядеть на «планы экспозиции» глазами «знатока предмета» а не рядового массового потребителя.

Что это так — в этом нетрудно убедиться на конкретно избранных примерах.

I. — Увлечение «Системой» и «Формальной Логикой»

Обычно всего чаще выражается оно в уверенности составителей «музейных планов», что включенное к показу на определенном месте будет подлинно усвоено музейным потребителем именно здесь, и только здесь, не раньше и не позже, но к определенному моменту («в надлежащее время»), лишь в определенном плане и в «последовательном сочетании.»

Но справедливая в теории, уместная и обязательная для Учебника и Курса лекций, для Киноэкрана или Сцены, всюду там, где план, порядок, смена образов, даваемых зрителю нормально обеспечена, эта забота о строжайшей их последовательности в музеях массового типа — мало актуальна: опытный экскурсовод сумеет выправить любые недостатки плана, а в отсутствии живого слова всякие попытки регулировать движение по залам одиночных зрителей не достигают цели.

Сколько бы ни уговаривали такого зрителя начать осмотр с «Мух», чтобы затем уж перейти к «слонам», музейный зритель, предоставленный себе в музейном зале, обязательно начнет осмотр именно с последних, а не с «мухи».

Пишущему эти строки вспоминаются за целые полвека сцены посещения зрителями-одиночками Московского Музея Прикладных Наук, многообразием тематики напоминающего крупные музеи Краеведения.

Пустующие залы, посвященные Минералогии и Почвоведению, Физике и Химии и оживление лишь в Отделе **Зоологии**. Контраст — понятный и естественный: слишком бессильны были конкурировать с прелестными биологическими группами зверей и птиц бесчисленные ящички, коробочки с камнями, образцами почвы и ряды пробирок, аппаратов, банок, склянок, колб, баллонов и реторт.

И сколько бы ни говорили Вы, что оценить, усвоить и понять эти «биологические группы» можно только, изучивши предварительно основы Химии и Физики, учение о Климате и Почве, — одиночный зритель не поверит Вам, вверяясь больше внутреннему чувству правды, чем «академическим системам».

Этот культ «Систем» граничит иногда с гротеском.

— «Невозможно» — так читаем мы во вводном объяснении разбираемого Плана — «невозможно правильное представление об истории, об экономике и о культуре своего края без знания его природы и без понимания тех процессов, которые в ней происходят и закономерностей их определяющих.»

Но верная в своей основе эта мысль о связанности всей истории и экономики страны с ее природными условиями, оставляет незатронутым вопрос о **Степени, Пределах и Объем**е знания «Природы Края» подлинно необходимых для действительного понимания его «Истории и Экономики».

И вот мы спрашиваем: Где, каков тот **минимум** познаний процессов и закономерностей, без усвоения которых **невозможно** «правильное представление об „Истории и Экономике“ родного Края»?

Так ли обязательно для этих целей овладение **всей** той энциклопедией наук, которою заполнены страницы разбираемой «Программы»?

Так ли нужно каждому историку-экономисту знать процессы «Геохимии» (стр. 11 Программы), о «работе Ледников, о „ботанической характеристике болот“ (стр.16), о „заметных птицах“ (17), „Геоморфологии Ландшафта“, раскрывающей образование долин» (20)?

Можно уверенно сказать, что нет и не было и никогда не будет тех «экономистов» и «историков» (не говоря уже о рядовых музейных зрителях), которые бы овладели **сотой** частью этих мнимо-обязательных для них естественно-научных знаний.

В этом неуместном увлечении «системой» и «логизмом» мы имеем только частный случай выявления другого промаха музейной практики к анализу которого мы обращаемся.

II. — Стремление к энциклопедизму.

Этот давний и исконный грех всех неокрепших, неосознанных в своих границах знаний, свойствен в высочайшей степени музейной практике.

В основе этого греха лежат две следующие погрешности.

Переоценка усвояемости знаний и **способностей** их потребителей.

Что это так — об этом говорит обычное в Программах разбираемого типа злоупотребление словом «**все**» и производными от этого предательского слова.

- «Ландшафт не может отразить **все** содержание и разнообразие природы Края» (стр. 1)
- «Показать **все** лекарственные растения» (стр. 3)
- «Ландшафт не может охватить **всего** животного и растительного мира края» (стр. 4)
- «Музей должен показать ... **весь** тот длинный путь, который в своем развитии прошла природа, начиная от появления Земли до теперешнего ее состояния.» (стр. 7)

Вот уже именно: «Сочесьть пески, пути планет, хотя и мог бы ум высокий!...»

Упор и ставка на «высокий ум!» на лиц с феноменальной памятью, на «Аматеров Энциклопедистов», на универсалистов знания и интересов.

И не только — это!

Красной нитью пробегает через всю «Программу» мысль, что от полноты, обилия фактического материала, от мобилизации **всех** доводов зависит «обеспечение» (стр.8) «четкого» и «ясного» и «целостного» усвоения сложнейших тем и обобщений, даже в отношении рядового посетителя, особенно «Одиночки» (стр.8)

Позволительно спросить: На чем основан этот оптимизм?

Уникальный опыт пишущего эти строки (личное обслуживание **четверти миллиона** лиц, в различной мере подготовленных, — Учащихся и Педагогов — , на предельно яркой и обдуманной экспонатуре Дарвиновского Музея) показал, что даже самые простые доводы и группировки фактов представляют исключительно большие трудности для усвоения, и что успех последнего зависит всего менее от «обилия» и «полноты фактического материала», но гораздо более от яркости, рельефности и «лаконичности» показа.

III. — «О музейном формализме.»

Родной брат и сын «педагогического формализма», кровь от крови, плоть от плоти этого последнего **Музейный Формализм** держится на представлении об «идеальном» и воображаемом музейном зрителе, пре-

дельно наделенном абсолютной памятью и любознательностью, идеальной силой ног, ума и глаз зрительного восприятия.

Можно уверенно сказать, что та самоуверенность, которая присуща большинству профессоров и педагогов, молчаливо и наивно полагающих, будто все сказанное ими с кафедры фактически усвоено их аудиторией, — что оптимизм этот вызвал к жизни и программы типа разбираемой. —

Рискуя заслужить упрек в не деликатности — заглядывания в чужую психику, я вряд ли ошибусь, предположив, что перед составителями разбираемой Программы рисовались образы «примерных», «идеальных» посетителей музея, полагающих своим первейшим долгом, проживая в данном крае, или вновь приехавши в него, детально ознакомиться с его природой на музейном материале...

Сводный, обобщенный и суммарный образ «среднего» интеллигента, но ведь лишь абстрактный и воображаемый!

А остальные контингенты посетителей? Рабочие — включая и сезонников, учащиеся разных ступеней и рангов? А действительные, подлинные интересы и запросы этих лиц, столь разнородных по образованию и возрасту? Что может и чего не может, чего хочет и чего не хочет этот «сводный» массовый музейный зритель?

Где, в каких музеях удавалось проверять фактически его запросы и возможности? Где, как, с какими результатами доселе удавалось проверять доходчивость и целесообразность тематических музейных планов типа разбираемых?

Когда и где, в каком Музее удавалось видеть посетителей, столь ревностных, усердных и неутомимых, наделенных столь хорошей памятью, и **равномерным** интересом к содержанию **всего** Музея, столь дисциплинированных в точном соблюдении рекомендуемых «маршрутов»: изучении животных лишь по усвоению растений, а последних — после изучения почвы, почвы — после климата, а климата — лишь после и т.д...

Нам скажут: Дело устного руководства, задача лектора-преподавателя-экскурсовода обеспечить соблюдение маршрутов при обходах зал и усвоении тематики в определенном плане...

Но, однако, как же **быть в отсутствии** такого устного руководства, в отсутствии «живого слова», когда массовый музейный зритель, «Одиночка» предоставлен самому себе и весь успех музейного осмотра целиком зависит от доходчивости самой вещи, от методики ее показа, а не от словесных пояснений?

Нам ответят: «А на то имеется этикетаж, система ориентирующих надписей, указывающих порядок, направление работы ног и глаз для малосведущих посетителей Музея, — надписей, имеющих собою замечать живое объясняющее слово...»

Но кому же неизвестно, что фактически такие надписи обычно не читаются именно теми, для кого они предназначаются...

Можно уверенно сказать, что в том аспекте, как рисуется этот музейный зритель составителями разбираемого «Плана», — **зритель этот никогда на деле не существовал**.

Бытующий лишь в «цифровых отчетах» этот идеальный, но — увы! — фиктивный зритель должен быть всецело заменен другим, не столь «покладистым» или усердным, но зато ...реально существующим!

Вопрос, к которому нас привело предшествующее рассуждение, столь же прост, как сложно и запутанно его решение.

«Кто такое наш музейный зритель?» или, говоря точнее: Кого именно нам разумеет под «массовым музейным зрителем?» На чьи запросы ориентироваться нам при планировке экспозиции музеев Краеведения? Кого обслуживаем мы в этих музеях?

Кто наш «Потребитель»? Каковы его запросы и ресурсы в деле освоения даваемых ответов? Каковы возможности Музея в доставлении последних?

Не решив этих вопросов невозможно рационально разрешить музейную проблему, как нерационально приступать к писанию книги, не решив, кому она предназначена.

Конечно, нет ничего легче, как сказать: «Музеи предназначены для всех»!

Но еще легче отвести такую реплику, сказавши, что «Музеи — это не бульвар и не Автобус, посещение которых равнозначно их утилизации!»

И как простое перелистывание книги ничего не говорит о ее пользе, также мало говорит о ней пассивное фланирование по Музею.

Кто же он, этот столь часто забываемый музейцами «музейный зритель»?

Это может быть ученый и знаток-любитель, посещающий Музей для собственно- научных целей. Бегло осмотрев его экспонатуру в целях предварительной ориентировки, подлинный ученый углубится в изучение фондов, а не выставочных зал, за тривиальностью их содержания.

Это может быть учащийся или профессионал, пришедшие в Музей в целях учебных и профессиональных. Вещно воплотить эти учебные программы полностью возможно только дорогой ценой: ударом по общеобразовательному массовому назначению Музея.

Это может быть — а всего чаще и бывает — рядовой, «неискушенный зритель», посещающий Музей не для «учебы», не для углубления профессиональных знаний, но для удовольствия: для получения полезных знаний, но при обязательном условии — занятой, яркой, увлекательной подачи.

В эту категорию **факультативных массовых музейных зрителей** войдут отчасти и ученый, и любитель, и профессионал, или учащийся, поскольку их внимание коснется не предметов специального их интересов и занятий, но лежащих за пределами последних.

Перед нами **три** различных типа посетителей и **три** различных вида деятельности Музеев:

I. **Научно-исследовательская**: добывание новых истин.

II. **Учебная**: распространение уже известных знаний в **обязательном** порядке, безотносительно к общеобразовательной их ценности.

III. **Массовая**: приобщение широких масс к **факультативным** знаниям общеобразовательного назначения и свойства.

Приуроченный в принципе, в идеале к соответствующим музеям разных типов («массовым», «учебным» и «научным») эти три раздела или функции обычно **совмещаются** в музеях краеведения, вынужденных по необходимости обслуживать профессионалов и учащихся, и знатоков, и массового зрителя.

Возможно ли реально продуктивно это их объединение?

Мы отвечаем: примирить реально специфические интересы и потребности учащихся, ученых, знатоков-любителей, профессионалов и дошкольников на всякой экспозиции **нельзя**, как невозможно сочетать в одном и том же тексте содержание научной монографии и букваря, учебника и популярной книги.

В самом деле. Допуская даже среди массовых музейных зрителей отдельных «полифагов знания», равно интересующихся «Геохимией» и «Транспортом», «Космогониями» и «Таксировкой Леса», мы не думаем, чтобы в музейной практике встречались «универсалисты», склонные к осмотру **всех** лекарственных растений, **всех** полезных ископаемых, **всех** вредных и полезных насекомых и **всех** рыб, встречаемых в водоеме Края...

Эти знания, в полном их объеме требуются только для профессионалов: фармацевтов, агрономов, горняков и рыбоводов, а не массовому посетителю, которому вполне достаточно окинуть беглым взглядом только самые заметные и яркие примеры или образы по каждому из этих четырех разделов.

Но возьмем другой пример, вернее говоря, иной аспект.

Допустим, что для некоторой части массовых музейных зрителей разделы, посвященные проблеме «О Происхождении Земли и Космоса» — будут вполне оправданы, хотя бы даже в том элементарном изложении, которое одно только доступно большинству музейщиков в силу лимитированности места и других причин.

Не то — для образованного человека, проходившего когда то все эти предметы в школе и, хотя и не усвоенные им, но ставшие на положении затасканных, банальных, «школьных» истин, старых и затрепанных, способных оправдать к себе внимание разве при особенно эффектно действенном показе (типа «Планетария»), но не в обычном школьном и «учебном» оформлении, единственно доступном большинству музейщиков краеведческого ранга.

Перед нами основная трудность всех музейщиков массового типа, как и вообще работы популяризатора: борьба с музейной «Сциллой» и «Харибдой» — **Профессионализмом** и **Вульгаризацией**.

Стремясь возможно лучше обслужить в музеях начинающих или сложившихся профессионалов, предлагая их вниманию **все** относящееся к их профессии (**всех** рыб, **все** снасти — рыболову, **всех** пушных животных, **все** ловушки — промысловому охотнику, **все** горные породы — горняку, **всех** вредных насекомых — агроному...) мы **снижаем** ценность экспозиции для массового зрителя, пришедшего в Музей **не** для учебы, но для радостного проведения своего досуга.

И, наоборот: снижая специальность экспозиции (а этим самым ее пользу для профессионала..), упрощая материал, сводя его к объему или качеству, приемлемым для массового зрителя (показывая только **часть** ловушек и пушных животных, **часть** снастей и рыб и только **часть** камней и насекомых ..) мы рискуем еще более значительно: потворствованием **дилетантизму** и **невежеству** профессионалов.

И последняя опасность несомненно большая, чем первая, поскольку от квалификации охотника, шахтера, агронома или рыболова непосредственно зависит продуктивность соответствующих промыслов.

В итоге — положение музейщика-краеведа может быть сравнимо с положением неуравновешиваемых весов:

Перегрузил одну из чашек — скука массового потребителя, перегрузил другую — урон профессионалу!

Но естественно спросить: Как поступить с подобными «Весами»? И не проще ли их заменить «Безменом», измерением «весомости» даваемого знания для каждой группы «потребителей» в отдельности, а не в сравнительно-психологическом аспекте?

Прежде, чем ответить на вопрос, коснемся одной мысли, выдвигаемой обычно большинством музейщиков и направленной к снижению указанного затруднения.

Мы разумеем ссылку на возможность «избирательного» отношения к экспонатуре при ее использовании зрителем, при том не только групповым, организованным (руководимым лектором-экскурсоводом) но и **одиноким** зрителем, предоставление ему возможности и «права» — выбирать из общей экспозиции лишь главы и объекты, подлинно ему доступные и интересные и обходить вниманием предметы «скучные» и специальные.

Задача и обязанность самих музейщиков — облегчить такое «избирательное» отношение к экспонатуре, размещая «узловые» и общедоступные объекты более заметно, выделяя, отмечая их условными цветами и отметками для концентрации на них внимания рядового массового зрителя.

Но рассуждающие так находятся во власти уже упомянутого выше «музеологического оптимизма», полагая, что музейный зритель, предоставленный себе, неукоснительно и точно выполняет все инструкции этикетажа, смотрит только на рекомендуемое, не глядит на не рекомендованное... Это — во первых. А теперь другое.

Вряд ли нужно говорить, что даже при наличии такой субординации и самодисциплины, побуждающих нашего массового зрителя выхватывать только отдельные предметы, зрительно выцеливая их из массы смежных, — эта массовая смежная «оправа», эта масса смежных и «ненужных» образов окажет свое действие на зрителя, давя на его психику, захватывая — пусть периферийно, бессознательно — его глаза и память, загружая, засоряя их ненужным роем хаотичных восприятий.

Положение такого зрителя, стоящего перед необходимостью выхватывать то там, то здесь отдельные объекты (как «рекомендованные») отвлекаясь от других (как «не рекомендуемых»!), сравнимо с положением

читателей громадного фолианта, авторы которого задумали бы примирить на нем запросы академиков-ученых, педагогов, школьников и «избачей», заранее признав, что каждому из них понятна или интересна только небольшая часть даваемого текста и что пользоваться им возможно только, следуя отметкам или специальным шрифтам, поясняющим кому какая часть, какие главы и какие строки предназначены..

Можно уверенно сказать, что начинание такого рода было бы обречено заранее на неудачу: сочетать и перемешивать в одном и том же тексте содержание популярных книг, учебников, научной монографии и букваря — затея, для которой трудно подискать название...

Но почему же сходная манипуляция, лишь проведенная в музейных залах, более приемлема?

Нам скажут: «Лимитированность стен!»

Но кто же Вам мешает разместить экспонатуру «массовую» и «учебную» по **разным** залам, совершенно также, как возможно — в крайнем случае — переплести в одном и том же томе книгу массового назначения и Учебник.

Говоря конкретно, речь идет о разделении, размежевании экспонатуры массовой и специальной, о топографическом их размещении по разным залам (или, что гораздо хуже — по различным стенам при наличии одной лишь залы..)

Это разделение экспонатуры, выявляющей «Природу» в краеведческих музеях, на разделы «Общие» и «Специальные» имеет много преимуществ.

Приведем главнейшие из них.

- i. Возможность пояснять, показывать разделы специальных знаний (промыслов, профессий), представляющих особое значение для данного района с наивысшей полнотой, без опасения перегрузки качественной и количественной, в отношении «массового рядового зрителя.»
- ii. Максимальная **разгрузка** «массовой экспонатуры» от «учебного», технического материала без опасности снижения профессиональной ценности Музея для «специалистов».
- iii. Значительное упрощение проблемы «Экспозиции», поскольку «специальные» отделы не нуждаются в особо изощренных методах показа, как не практикуются они в музеях школьных и учебных, методически сводимых лишь к «овеществлению» учебников.
- iv. Значительное сокращение сроков, темпов построения соответствующих экспозиций (а тем самым и самих музеев): при топографическом разграничении отделов «Общего» и «Специального», работы в них могут вестись единовременно и параллельно.

Это разделение экспонатуры «массовой» и «специальной» при отображении Природы в краеведческих музеях упрощает разработку их структуры и тематики, поскольку все касающееся **«учебных»** и **«профессиональных»** глав или разделов *выключается* из нашего обзора или обсуждения: все эти главы и разделы при музейном их отображении могут быть поручены специалистам-практикам и педагогам, независимо от их музейно-методического опыта.

Лежащие **вне** целей массового просвещения Разделы «Школьный» и «Профессиональный» этим самым выключаются из сферы нашего анализа. И там, и здесь вопрос идет об **обязательной** экспонатуре и о **нормативном** усвоении, — два фактора в высокой мере понижающие ценность и значение экспозиционных методов: и там, и здесь, учайщийся, как и «профессионал» **обязаны** усвоить материал Музея при любом показе независимо от «увлекательности» темы или экспозиции.

И там, и здесь — сюжет и содержание **превалируют** над формой или методом показа; целиком определяясь то программами учебников, то нуждами хозяйства, промысла и производства.

Педагог, шахтер, охотник, агроном — вот, кто является реальным инспиратором этих отделов и задача музеолога — лишь подобрать и выставить, в пределах, допускаемых ресурсами музея (часто ограниченных..) эти объекты в убеждении, что подлинное усвоение их будет обеспечено, а в случае противного — не будет вменено в вину организаторов Музея.

Эту разницу в исходных установках и ближайших целях двух разделов Краеведного Музея: «Массового» и «Профессионального» возможно оттенить по существу, именно следующим образом.

В Отделе «Массовом» мы делаем упор на обобщающий идейный смысл целого и на захват музейных зрителей в **эмоциональном** отношении.

Конкретно: Если посетители «скучают», не захвачены богатством красотой, своеобразием явлений, фактов и картин Природы, выявляемых Музеем, — то тем самым основная и важнейшая его задача-пробуждение и укрепление любви к родному краю остается нерешенной: невозможно полюбить предметы, или сочетание предметов, вызывающих томление и скуку.

Пусть останутся без усвоения десятки, сотни вещных экспонатов, пусть не в силах массовый музейный зритель толком повторить значение и смысл каждого из них (назвать отдельные виды растений и животных, указать их связи и соотношения...), но если он, наш массовый музейный зритель, покидает зал, или Музей, с желанием снова и снова посетить его, вскрывающий так ярко-увлекательно богатство, красоту местного края и науку о его Природе, — то задача данного Музея в отношении массового рядового зрителя мы в праве обозначить, как решенную, безотносительно к **фактическому** усвоению: возможности смешения массовыми зрителями Сарыча и Ястреба, Полевки с Землеройкой.

Но насколько иначе рисуются нам цели посещения профессионального Музея или соответствующих подразделов краеведного Музея.

Здесь — первейшая задача посещения дать зрителю **конкретные**, фактические знания по **данной отрасли, данному** цеху, **данной** специальности безотносительно к занятости и увлекательности такового...

Факты, факты и опять и снова факты в их конкретной, вещно-осязаемой наглядности (а еще лучше: осязательности!) — в этом и лишь в этом основное оправдание экспонатуры всякого профессионального или учебного Музея...

— «Голый Эмпиризм!» — скажут нам. Мы отвечаем: таковым он будет лишь для массового зрителя, лишённого теоретической — профессиональной подготовки. Но для этой части посетителей Музея никакие объяснения и комментарии не искупят скудость или даже полное отсутствие профессиональных знаний или интересов. А для техника-профессионала, для учащегося, ценность экспозиции определяется не выдержками из учебников и руководств (ему уже известных), превращенными в «этикетаж», а вещной подлинностью экспонатов.

Очень хорошо, конечно, если предъявляются эти последние в широком обобщающем аспекте и с «профессиональным пафосом»...

И все же, если уходя из «лесоводного» и «полеводного» Отдела полевод или лесничий унесет с собой лишь «эмоциональную зарядку» но по-прежнему не может отличить «Полевку» или «Сарыча» от «Ястреба» и «Землеройки» — мы, не обинуясь, назовем такого агронома и лесничего — *невеждами!*

Окольным, долгим но по существу довольно трюистическим анализом нам удалось значительно упростить разрешение нашей задачи: выяснения структуры Краеведческих Музеев в части, относящейся к познанию живой Природы.

Вынесением учебной и профессиональной экспозиции в особые Отделы, разгружая от нее центральный, вводный, «массовый» отдел мы можем сконцентрировать на нем в дальнейшем все наше внимание.

Как обслужить в стенах музея Краеведения специальные запросы и потребности учащихся различных классов Средней Школы и профессионалов разных производств, нас также мало будет занимать, как и обслуживание специальных интересов тех или иных ученых...

Все внимание наше мы в дальнейшем сконцентрируем на **Вводном, Массовом Отделе**, предназначенном для «массового» зрителя.

Легко подумать, что по удалении всех специфичных и «профессиональных» элементов из означенного вводного Отдела, остающаяся экспозиция вполне пригодна для обслуживания «масс» и что организация и ее не представляет трудностей: раз все учебно-профессионально-трудное изъято, остающееся может быть усвоено широкой массой.

Но на деле это далеко не так и даже более того: можно уверенно сказать, что техника организации экспонатуры массового типа в той же мере превосходит трудностью профессиональные или учебные, насколько тип и профиль «массового зрителя» сложнее профиля профессионалов и учащихся.

Причина этого понятна: Удалив из массовой экспонатуры все профессиональное и школьное, **мы сохранили среди массового посетителя Музея и профессионалов, и учащихся.**

А между тем согласовать и примирить на той же экспозиции факультативные запросы или интересы самых разных контингентов посетителей, включая и профессионалов, и учащихся — есть первая обязанность всех краеведческих музеев, ибо только в этом случае мы получаем право говорить о «массовой экспонатуре» и о «массовом Музее».

Но естественно спросить: Как примирить — «непримиримое»? Дошкольника и Академика, профана и ученого на той же экспозиции, на той же теме?

Достижимо это лишь при двух условиях: равенствию по «слабому» и выдвиганию примата «формы», методов показа.

Называя вещи собственными именами, следует сказать: в музеях массового типа речь идет о популяризации науки для широких масс, включая лиц, ни мало ею незатронутых.

Но оперируя с такою аудиторией полезно помнить основное правило всех сведующих популяризаторов: стараться не переоценивать познания и подготовку слушателей, всего лучше — исходить из допущения, что последние по данному вопросу **ничего** не знают.

Рассуждать иначе — значило бы рисковать остаться чуждым и непонятым широкой массой.

Но не менее необходимо помнить о другой опасности: преподнесения «банальностей».

Избегнуть этих двух угроз, этой музейной «Сциллы» (непонятности Экспонатуры) и «Харибды» (— тривиальности —) возможно только, памятуя, что банальное по содержанию можно сгладить самобытным, ярким и талантливым показом, между тем, как трудное и непонятное для массового зрителя порой не справишь никаким показом.

Именно таков ближайший вывод нашего анализа: Подобно всякому культурно-просветительному начинанию музейная проблема опирается в конечном счете о проблему «**кадров**», о проблему «**Потребителя**».

Кому, каким задачам призваны служить Музеи Краеведения, в различных их Отделах, — от решения этого вопроса целиком зависеть будет вся структура и тематика Музея и конкретно-вещное их выявление на практике.

Нет ясности в определении обоих и в итоге то переплетение тематик качественно несоизмеримых, образцы которого мы видим в разбираемой программе: «Космогонические представления о мире» и «Режим Колодцев», — «Формирование лика Земли» и «Гужевого Транспорта»

Вот почему одним из первых основных условий плодотворности работы каждого Музея мы считаем четкое разграничение общего образования и специальной техники.

Смешение обоих угрожает оттолкнуть значительное большинство людей, несклонных изучать «колодцы» в перемежку с Дарвинизмом, а последний в свете «Гужевого Транспорта».

Иначе говоря: По отношению к массовому потребителю успех Музея определится не столько содержанием, сколько методикой показа, призванной заставить позабыть сюжетную банальность (для ученого) и тематическую трудность для неподготовленного зрителя.

Как в области искусства — Киноленты или театральной сцены, самые банальные и прописные истины (по типу: «Взяточник презретен», «Самохвальство-глупо», — «Преступление наказуется», не говоря уже о бесконечных романических интрижках или неполадках..) не мешало гениям пера и кисти создавать немеркнувшие красотой образы, так в области музейной практики банальнейшие свиду факты или азбучные истины, но облеченные в талантливую, яркую, волнующую форму, могут одинаково привлечь внимание людей, предельно различающихся по образованию и возрасту.

Отсюда — первое категорическое требование к экспозиции музеев массового типа: **Знание, наука, преломленные в Искусстве, поднесенные художественной форме.**

Будем помнить: Никакие «Планы» и «Системы» не покроют и не возместят сухой, «академической» подачи знаний, недоступных яркому художественному показу, неспособных захватить эмоционально массового зрителя.

И пусть не скажут нам: Вы смешиваете запросы знания и чувства, доводы эмоции и интеллекта!

Отвести эти упреки слишком просто.

Стоит лишь напомнить о важнейшей роли Краеведческих Музеев: Захватить внимание широких масс, объединить их общим чувством и единой волей ознакомиться с Природой края, чтобы тем сильнее, крепче полюбить его!

Заключение.

Подводя итоги всему сказанному о «Структуре и тематике Отдела посвященного Природе в Краеведческих музеях» мы поступим всего лучше сопоставив критикуемые нами методы и установки нашим методам или приемам, призванным в широкой мере устранить указанные выше промахи и упущения, свойственные первым.

Как то явствует из самой постановки дела, речь идет о противопоставлении **негативным** тезисам им соответствующих **позитивных** представляющих прямую противоположность первым.

В результате следующий ряд диаметрально противоположных тезисов:

А. Негативные.	Б. Позитивные.
I.- Строгая Систематичность в направлений общепринятых «Учебных Планов» (Увлечение формальной Логикой)	Отказ от обязательной систематичности Упор на психологию массового зрителя.
II.- Погоня за исчерпывающей полнотой показа всех разделов, или содержания каждого из них.	Заведомым отказ от полноты показа и подобия охвата всех разделов или отраслей науки, представляемых музеем.
III.- Пользование фактами или разделами науки независимо от степени доходчивости или увлекательности темы и объекта (Господство содержания над формой)	Жесткое выключение всего, не поддающегося вещному, доходчивому увлекательному показу («Примат Формы»)
IV.- Мнимое совмещение общеобразовательных, учебных и профессиональных целей и задач Музея на той же экспозиции.	Четкое разграничение экспонатуры массовой, учебной и профессиональной.
V.- Ставка исключительно на познавательные интересы зрителя. Приобщение к познанию родной Природы и родного края.	Ставка на эмоционально-воспитательную сторону работы: пробуждение любви к родной природе и родному краю.
VI.- Оперирование с воображаемым «идеальным» посетителем, сборным, суммарным по образованию и возрасту.	Ставка на реальных потребителей, предельно различающихся по образованию, возрасту и целям посещения Музея.
VII.- Унификация для всех музеев Краеведения единых и стандартных «Планов» экспозиции «Природы» на основе установленных в географической науке схем и планов.	Стимулирование творческой музейной инициативы при условии ее обосновании музейной практикой.
Боязнь «разнобоя» в экспозиции в разных музеях.	Борьба с музейно-экспозиционными «шаблонами» и «штампами».

Таков ближайший предварительный итог наших сомнений, разногласий, нашей критики и наши коррективы.

Остается пояснить, что подавляющее большинство принципов и приемов экспозиций, вошедших в «**негативный**» (левый), ряд, именно пункты I-V, — касаются по преимуществу профессиональных и учебных целей и разделов **Краеведческих Музеев**, и в широкой степени оправданы для них, тогда как помещенные в наш **правый «позитивный»** ряд принципы экспозиции или установки ориентированы лишь на «массовых музейных зрителей» и на «общеобразовательные цели» тех же краеведческих музеев, и лишь с крайней осмотрительностью и весьма условно в применении к профессионалам и учащимся.

Короче, проще и формулятивно:

Принципы массовой экспонатуры могут до известной степени быть приложимы к экспозиции профессиональной и учебной для смягчения ее «академичности» но не обратно: всякая попытка подчинить этой последней «массовую экспозицию» грозило бы свести на нет и обесценить ее «массовое» назначение.

Таковы исходные теоретические предпосылки по вопросу об организации главы «Природоведения» и в частности «Живой Природы» в Краеведческих музеях, и на очереди — позитивное, конкретное осуществление ее на практике, задача, разрешения которой должно доискиваться в каждом частном случае, учитывая специфические особенности каждого района, каждого Музея.

Только ради отведения упрека в «априорности» и «резонерстве» представляется уместным очертить немногими штрихами схему приблизительного и примерного подхода к разрешению нас интересующей задачи.

Памятуя основное положение музейной практики — зависимость экспонатуры от «пространственного фактора», от размеров экспозиционной площади, — учитывая возрастающие трудности по мере сокращения последней и тот факт, что большинство музеев краеведения страдает больше от урезанности этой площади, чем от ее избытка — мы поступим правильнее, выбрав для примера небольшой Музей — (по разделу Биологии) с полдюжиной примерно зал, чтобы на них конкретно проэцировать изложенные выше методические установки.

Тематически эти шесть зал представляются нам в следующем виде:

a. Роль местной фауны и флоры в экономике Природы и народного хозяйства.

b. Культурная фауна и флора.

I. **Вводно-Ландшафтный**: общая картина фауны и флоры в настоящем и прошлом.

II. **Эколого-экономический**: Природа Края и ее использование человеком.

III. **Дарвинизм**, его роль и ценность в деле управления Природы и обоснования научного мировоззрения.

IV. **Отдел Учебный** (применительно к программам Средней Школы).

V. **Отдел «Справочно-научно-демонстрационный»**. (Специального характера и назначения.)

Обращаясь к беглой поясняющей характеристике задач и содержания каждого Отдела, мы подробно остановимся только на первых двух, как наиболее нуждающихся в пояснениях, поскольку III-ему Отделу «Дарвинизму» посвящен особый Очерк, а последние два (IV и V-ый) — призваны обслуживать не столько «массового», сколько специальных зрителей: учащихся, ученых и профессионалов.

Отдел I. — (Вводный) — «Ландшафтный».

Главная задача: развернуть возможно ярко, сжато(вещно-обозримо) общую картину естественных богатств местного края и особенностей его Природы, всего прежде Фауны и Флоры в экологической группировке, **вне** прямой зависимости от человека.

Фауна и Флора Леса, Тундры, Степи, Пустыни (смотря по району)

Фауна и Флора водоемов (Озера, Реки, Ручья): береговые, донные, поверхностные, глубинные..

Периодические изменения местной фауны в оттенении изменений Климата и состояния Флоры. — («Годовые Циклы»):

A. Явление **весеннего** периода: «пробуждение Природы»

- a. в воздухе: прилет птиц, появление насекомых.
- b. на земле: пробуждение наземн.животных от зимн. спячки.
- c. водоемы: фауна весенних луж и разливов рек.
- d. весенний ход рыб. — Весенняя флора.

B. Явления **летнего** периода: размножение и летн. жизнь животных

- a. Размножение: кладка яиц, икрометание рыб и земноводных
- b. Забота о потомстве, летние выводки.
- c. Летние циклы Насекомых.
- d. Летние общества стадных животных(зверей и птиц).
- e. Летняя Флора.

C. Явления **осеннего** периода.

- a. Осенний пролет птиц.
- b. Замирание жизни (части Млекопитающих, амфибий, рептилий и насекомых).
- c. Осенняя флора.

D. Явление **зимнего** периода.

- a. активные элементы зимней фауны: кочующие (пришлые) и постоянные (зимующие).
- b. пассивные элементы зимней фауны: зимние коконы насекомых. (зимняя спячка млекопитающих, рептилий, земноводных).
- c. Картины зимней флоры.

Редкие, случайные элементы Флоры и Фауны (Примеры «залетных» и «забравших» животных. — Редкие, вымирающие формы животных и растений. —

Исторические Изменения местной фауны и флоры (Палеонтолог, Очерк)

Общие замечания: Ни коим образом не гнаться за «исчерпывающей полнотой» показа «**всех**» элементов Фауны и флоры (что фактически экспозиционно **НЕВОЗМОЖНО!**), но ограничиться лишь самыми яркими, типичными примерами от каждого раздела.

Выдвигание по возможности «языка вещей» (нат. экспонаты, живопись) и сведение до минимума «печатных текстов»: схем, таблиц и диаграмм, (так общую ландкарту Союза с указанием места, занимаемого данным районом, можно с успехом — для экономии экспоз.площади и во избежании чередования «карт» и «вещных, ярких экспонатов-поместить на» ...потолке (в неярком полихромном сочетании тонов, созвучных с цветом стен..)

Элемента «климата», «почвы», Геологии — частью включаются в обще-ландшафтную экспонатную, частью в отдельных вещных ярких экспонатах, часто условно изображенными (в форме соответствующих карт, но не на бумаге, а всего лучше — использовав окна, в форме «оконных цветных транспарантов»,

кстати прикрывающих собою сеть оконных переплетов, крайне вредящих цельности восприятия «ландшафтных экспонатов».

Отдел II. «Эколого-экономический» (Местная Фауна и Флора в Экономии Природы и Народном Хозяйстве)

А. (Желательно — отдельная Зала) «Природная Фауна и Флора края».

Значение местных животных и растений в Экономии Края

а. Животные и растения **прямого значения**

Вредные для человека (возбудители болезней, переносители их, животные ядовитые и опасные. — Ядовитые растения.

Животные, употребляемые в пищу. Соответствующие растения.

Животные промысловые но иной утилизации (пушнина, можев. и др)

Лекарственные растения.

б. Животные и растения **косвенного значения**.

Животные вредители (Хлебопашества, полеводства, садоводства, огородничества).

Враги промысловых и домашних животных.

Враги полезных животных.

Полезные животные:

Истребители вредителей.

Животные — Санитары.

с. **Использование Человеком местной Фауны, и флоры**

Охота и пушной Промысел.

Рыболовство.

Сбор лекарственных растений и таковых, служ. для технич. целей.

Постановка дела борьбы с вредителями, организация, методы техн.оборудования и результат уничтожения вредных животных края.

Охрана полезных животных.

Регулирование промыслов.

Способы активного покровительства полезным животным. (Борьба с врагами полезных животных, искусственные гнезда, «зимняя прикормка»)

Примечание: Как в отношении предидущего Отдела — ограничиться, поскольку речь идет об «**общеобразовательных**» задачах, лишь самыми яркими, доходчивыми примерами, не стремясь к исчерпывающей полноте показа. — В случае, особого значения для края тех или иных разделов (промыслов) необходимо вынести в особую зал, придав экспозиции — профессиональный характер и в этом случае предельную полноту!»

Б.- Культурная Фауна и Флора местного края.

Размеры, состояние, характер, метод, техническое оборудование, обработка и использование получаемых продуктов в различных областях животноводства и растениеводства местного края.

Молочное хозяйство	Соответствующие Разделы	их «друзья» и вредители в животном мире.
Коннозаводство	Хлебопашества	
Свиноводство	Полеводства	
Овцеводство, Козоводство	Лесоводства	
Кролиководство	Садоводства	

Птицеводство	Огородничество	
Пчеловодство		

Примечание. — В зависимости от размеров и значения отдельных отраслей — их экспозиция трактуется либо под знаком «Общеобразовательного» показа, либо выносится в особые залы с выдвиганием «профессиональных» интересов и заданий **Соцстроительства**.

Решающее слово в этих случаях не за методикой показа, но за полнотой и углубленностью «профессионально» поданного материала.

«Тезисы и резюме Докладов о Природоведческих Музеях.»

I. Как при писании книги и вообще в литературной сфере творчества, успех работы или плодотворность ее критики немислимы без уточнения задач и целей этого труда, — так и в музейной практике удачность экспозиционных планов и программ зависит от определения задач и целей данного Музея, его «типа» или «профиля».

Отсюда вывод: Обязательность возможно четкого разграничения различных функций(массовых, учебных и профессиональных) Краеведческих музеев.

II. Как при писаний книги, автор, приступая к своему труду, учитывает «профиль» (подготовку) будущих читателей, поскольку та же тема излагается по разному в научной сводке, популярной книге и в учебнике, — так и при проектировании Музея следует согласовать его тематику и форму экспозиций с реальными запросами или ресурсами определенных кадров посетителей Музея а не оперировать с абстрактным и «воображаемым» музейным зрителем.

Отсюда вывод: Ориентироваться при планировании Музеев на реальных посетителей, всегда и неизбежно ограниченных в своих конкретных силах, знаниях и интересах, а не на запросы вымышленных «идеальных» зрителей, готовых воспринять даваемые знания в любом объеме и любом показе.

III. В отличие от подлинных музеев «массового» типа с их задачей — примирить на той же экспозиции людей, предельно разнящихся по образованию и возрасту, — **Музеи краеведческие** вынуждены в силу специфических условий одновременно обслуживать не только «массового зрителя», но и профессионалов, и учащихся с их специфичными запросами и интересами, уподобляясь книге, вынужденной одновременно служить «учебником», и «букварем», и книгой, предназначенной для увлекательного чтения.

Отсюда вывод: Вне решения этой «Проблемы разнородности запросов посетителей музеев Краеведения», — планировка или критика их экспозиции лишь мало продуктивна, ибо опускает главные и специфические трудности вопроса.

IV. Уточняя и конкретизируя эту «Проблему Зрителя», должно отметить важное принципиальное отличие в самом подходе разных кадров посетителей к экспонатуре «массовой», «учебной» и «профессиональной»:

Обязательном — со стороны профессионалов и учащихся к предметной их «профессии» или «учебы», и **Факультативном** — в отношении массового зрителя, свободного при выборе объекта своего внимания и могущего прервать осмотр при неодобрении тематики Музея или форм показа.

Вытекающий отсюда вывод: Обязательность **дифференцирования** экспозиции в смысле подбора экспонатов применительно к различным кадрам посетителей.

V. Это различие задач и целей знаний «школьного», «профессионального» и «общего», как и различия в подходе к ним со стороны их «потребителей»: учащихся, профессионалов или «массового», рядового зрителя — не могут не сказаться на самой экспонатуре, на ее объеме, ее вещном содержании.

Учащемуся и профессионалу требуется обязательно усвоить **все** предметы, помещенные в «программе» руководства и учебника, а тем самым **все** музейные объекты данного раздела: горняку — **все** горные породы края, рыбоводу — **все** породы рыб, охотнику-профессионалу — **все** виды, кряжи, сорта пушных животных края, агроному — **всех** вредителей полей, садов и огородов, фармацевту — **все** виды лекарственных растений.

И однако демонстрация **всех** этих трав, камней или зверей с исчерпывающей полнотой вниманию **массового рядового** зрителя способно вызвать у него лишь чувство раздражения и скуки.

Вытекающий отсюда вывод: Не желая поощрять томления и верхоглядства массового зрителя, и еще менее — потворствовать дилетантизму у профессионалов и учащихся, приходится топографически размежевать экспонатуру «массовую» и «профессиональную» или «учебную».

VI. Развивая предыдущий тезис, можно привести ряд следующих доводов или мотивов в пользу разделения экспонатуры Краеведческих музеев на Отделы «Общие» и «Специальные»:

- a. Возможность излагать разделы специальных знаний (промыслов, профессий) представляющих особое значение для данного района, не считаясь с «общеувлекательность» содержания и количественной перегрузкой.
- b. Максимальная разгрузка «массовой» экспонатуры Общего Отдела от «учебного», ультра-технического материала без опасности снижения профессиональной ценности Музея и без риска утомления массового зрителя ненужными ему деталями.
- c. Значительное упрощение проблемы «Экспозиции», поскольку «специальные» Отделы не нуждаются в особых методах показа, как не практикуются они в музеях школьных и профессиональных, методически сводимых лишь к «овеществленному учебнику».

VII. Не касаясь, таким образом, **профессиональных** и **учебных** щелей Краеведческих Музеев (подлежащих в этих двух разделах консультации профессионалов-техников и педагогов..) тем необходимее коснуться ближе «Вводного» Отдела названных музеев, в части предназначенной для «рядового, массового зрителя».

Первейшей и необходимой предпосылкой, без которой невозможно плодотворно разрабатывать и обсуждать методику показа, мы согласно предыдущему, считаем выяснение «профиля» этого массового рядового зрителя, его запросов, нужд, потребностей, определяющих собою «профиль» самого Музея.

VIII. Говорить, что «цель Музея — есть показ Природы Края» — совершенно недостаточно, ибо в такой формулировке ничего не говорится об **объеме** и о **качестве** показа: показать «Природу» можно и в одной, и в дюжине, и в сотне зал, на десяти, на сотне и на тысячах объектах — экспонатах.

Говорить, что «без достаточного знания природы края невозможно правильное представление об его истории и экономике» — такое утверждение, хотя и справедливое лишь в самой общей форме, оставляет нераскрытым, до какой детальности познание края (всех жуков? всех птиц?) необходимо, чтобы «правильно понять его историю и экономику».

IX. В основе этих недоговоренностей лежит неясность представления о «природе массового зрителя» и, в частности, переоценка интеллектуальных и недооценка, занижение эмоциональных стимулов, руководящих массовым музейным зрителем, как и работами самих музейцев.

В полное отличие от посетителей-профессионалов и учащихся, **обязанных** усвоить материал Музея при **любом** показе, массовый **факультативный** зритель руководится не столько познавательными, сколько эстетическими и **эмоциональными** запросами, исканием полезных знаний, облеченных в **увлекательную** форму и с затратой минимального труда и времени.

X. Исходя из мысли, что одной из основных задач и целей Краеведческих музеев следует считать раскрытие богатства, красоты, многообразия родного края в целях упрочения любви к нему, стремления сохранить его природные богатства и содействовать их росту и приумножению, следует признать, что достижение этих задач и целей невозможно без использования Искусства, как могучего орудия эмоционального захвата массового зрителя.

Отсюда ряд элементарных правил, или норм организации и оформления экспонатуры «массового типа»; в частности:

- a. жесткое ограничение тематики примерами и фактами, доступными конкретно-вещному доходчивому яркому показу.

- b. борьба со всем противодействующим этой установке и угрозой превращения «Музея» в «Кабинет учебно-вспомогательного назначения», смешением «экспонатов» и «наглядных пособий».
- c. Борьба с чрезмерным увлечением «формальной логикой». Оправданное в Курсе Лекций, для Учебника или ученого трактата, неизменное придерживание «Системы» далеко необязательно при популяризации наук и всего менее в музейной практике, успех которой очень часто достигается ценой отказа от «прокрустовых» систем и штампов.

XI. Отказ от «энциклопедических» тенденций частью облегчается приемом вынесения всех более «школьных» тем в особые «учебные» отделы Краеведческих музеев.

Но и в отношении «массовой», общедоступной экспозиции необходим предельный лаконизм: здесь, как вообще в вопросах популяризации науки, часто забывают, что примеров или фактов можно привести несчетное количество, но аргументов — только в меру их необходимости. Задача же музеев массового типа — предъявлять вниманию зрителей не столько факты и предметы, но идеи, мысли, аргументы, лишь скристаллизованные в вещных образах.

XII. Основной идеей, полагаемой в основу планировки или оформления отделов, отражающих Природу в вводной массовой экспонатуре, следует признать учение о беспредельной изменчивости живого мира, о закономерной обусловленности всех явлений мертвой и живой природы.

Безусловная и верная в своей основе эта эволюционная идея при попытке выявления ее в музее массового типа, неизбежно ограничена, встречая ряд неодолимых **трудностей** при отражении ее в вещных экспонатах и для массового зрителя.

- a. Неотразимость помощью музейных методов (в двухмерной форме..) генеалогических соотношений или связей, их «филогении» или «Родословных».

Мыслимые только на основе изучения не только современных но и вымерших существ, известных лишь весьма отрывочно, в объеме, непригодном для их целостного вещного показа, — эти «филетические древа» опираются об изучение **всемирной** фауны, а не ограниченной лишь изучаемым районом.

- b. Недоступность вещному показу ряда основных разделов эволюционного учения (Цитологий, биохимических основ проблемы о «Происхождении Жизни»..) исключает их из массовой экспонатуры.
- c. Недоходчивость для массового зрителя целого ряда глав или разделов Дарвинизма, недоступных пониманию без длительных пространственных «лекционных» пояснений (Анатомия, Эмбриологии и частью Палеонтологии и Зоогеографии).

Отсюда вывод: либо нарушение «краеведного» и «массового» элемента экспозиции, включением в нее «некраеведных» и «учебных» элементов, либо — выделение раздела **Дарвинизма** в качестве особой залы или части «Школьного Отдела».

Вряд ли нужно говорить, что и за вычетом указанных разделов эволюционного учения, оставшихся вполне достаточно, чтобы не нарушая «массовости экспозиции» предельно ярко показать на них основы дарвинизма в форме, хорошо доступной самому неподготовленному зрителю.

XIII. Учитывая крайнюю неадекватность разных глав и отраслей науки о Природе с точки зрения их «музейной» ценности, приходится признать, что планировании «природоведческих» отделов в краеведческих музеях нет и быть не может равномерного отображения **всех** наук, имеющих касательство к познанию Природы.

Подлинным критерием при выборе отдельных глав или примеров в экспозиции является поэтому не только значимость научная или практическая данного раздела, но и полная доступность яркому и увлекательному вещному показу.

Все не отвечающее этому условию, все недоходчивое, тусклое, абстрактное либо выносятся в «учебные», «профессиональные» отделы, либо вовсе изымается из экспозиции музеев или их отделов «массового назначения».

XIV Эта явная неадекватность разных отраслей науки с точки зрения «музейного показа» делает особенно желательным широкое использование «комплексных» тематик или форм их выявления в музейной практике.

Учитывая невозможность (да и нежелательность) реализации и **всей** экспозиции Природы исключительно под знаком и по методам «ландшафтных» построений, можно все же констатировать громадные пропедевтические преимущества такого именно показа, представляющего в целостных объединенных образах или картинах факты и явления различных областей природы (или изучающих ее наук) в едином органическом их синтезе.

Именно в этом смысле представляется особенно оправданным музейное отображение Природы, в частности животных и растений, не в систематическом разрезе, но в **экологическом** аспекте, по отдельным (но, конечно, лишь немногим и характерным..) **биопенозам**, и главнейшим **«биотопам»**.

Не входя в детали способов технического оформления такой экспонатуры, можно лишь напомнить основное положение массовой музейной практики: неукоснительное подчинение всей экспонатуры яркой обобщающей идее, творчеству научно-художественного показа.

Более, чем где либо полезно помнить именно при «комплексном» показе, что задача, цель Музея массового типа — не копировать Природу, но идейно претворять ее.

XV Минувя обсуждение и критику различных промахов и упущении, наиболее обычных именно в музеях массового типа, остановимся лишь на одном из них, особенно бесспорном и ...упорном.

Мы имеем здесь ввиду попытку некоторых музейцев-дилетантов-помещения в музейную экспонатуру также и ..живых животных.

Уместное при устройении музеев «школьных» (часто связанных с «живыми уголками») это сочетание в одних стенах «живого» с «мертвым» не содержит ничего «новаторского» или творчески-музейного, поскольку в прежних разъездных зверинцах и «паноптикумах» архаического типа часто наряду с живыми экспонатами нередко фигурировали и музейные объекты: чучела животных, черепа, скелеты, спиртовые препараты и муляжи.

Но оправданное для «живого уголка» Учебно-школьного музея и простительное для былых владельцев «странствующего зверинца» и «Паноптикумов», это растворение живого в мертвом забывает основное преимущество методики «музейного показа» по сравнению с таковой зверинца или Зоопарка:

«Регулирование вещного показа четкой обобщающей идеей, подлинное подчинение „вещи“ лишь определенным образам и обобщениям.»

Но этой власти демонстратора-музейца над показываемым объектом резким образом противоречит демонстрация **живых** животных (будь то обезьяны, голубя, слона, лягушки или плавунца-жука..) готовых каждое мгновение «выкинуть» движение непредусмотренное никакими «планами», способное только отвлечь внимание зрителя от понимания экспонатуры залы в ее целостном аспекте.